

В. Г. Котов¹

ПРОБЛЕМЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА УРАЛА И КОНЦЕПЦИЯ Г.П.ГРИГОРЬЕВА

Kotov V.G. Problems of the Upper Palaeolithic of the Urals

The article presents a comparative analysis of the technology and typology of industries from the Upper Paleolithic sites of the Urals in terms of similarity with Talitsky site in the Kama region. At the same time the author considers different perspectives of the development of the Upper Palaeolithic from the Urals. Basing his materials of the new monuments, the author concludes that the monuments of early, middle and late stages of the Upper Palaeolithic of the Urals region display a close resemblance, and we must proceed from the understanding of a common cultural tradition that had been existing for more than 20 thousand years. The author criticizes the idea of P.Pavlov to classify a number of monuments of the late stage of the Upper Paleolithic as an “archaeological culture of the Urals.” For this reason, it is necessary to assume a gradual, evolutionary change in the material component of cultural traditions, suggesting stability and resistance to outer changes of cultural characteristics of the Urals population in the Upper Paleolithic in the range from 30 to 9 thousand years. It is of the Siberian Upper Paleolithic, as believed by G.Grigor`ev, the absence of spatial dispersion and typological homogeneity of monuments, as well as their temporal indivisibility are characteristic features. This indicates according to the concept G. Grigor`ev, attribution of the Upper Paleolithic sites of the Urals region to the Siberian Upper Paleolithic as a whole, forming a kind of surface area to the west of the Siberian cultural world.

В 1980-х годах были предприняты первые попытки обобщения накопленного к тому времени еще немногочисленного материала верхнепалеолитических памятников (Щербакова, 1986б, с. 15–16). В то время наиболее значительная коллекция эпохи верхнего палеолита была представлена материалами стоянки **Островской им. М.В. Талицкого** — около 5 тыс. экз. каменных изделий. Она расположена на правом берегу р. Чусовой, в ее нижнем течении (рис. 1). Исследовалась с 1938 по 1952 г. М.В. Талицким, М.П. Грязновым, В.И. Громовым, А.А. Ис-

сеном, О.Н. Бадером. Вскрыто около 500 кв. м площади. Изучение стратиграфии показало, что культурные отложения сформировались за один сезон и памятник является сезонной охотничьей стоянкой. Здесь были расчищены семь округлых очагов, слегка углубленных в землю. Фаунистические остатки указывают на преобладание в охотничьей добыче северного оленя. Также обитатели стоянки охотились на мамонта, шерстистого носорога, лошадь, песца и зайца. Получена радиоуглеродная датировка по углю 18700 ± 200 лет (ИГАН-1907) (Свеженцев, Щербакова, 1997, с. 99).

Т.И. Щербакова считает, что первичное расщепление на стоянке основывалось на принципах

¹ Институт Истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа, Россия.

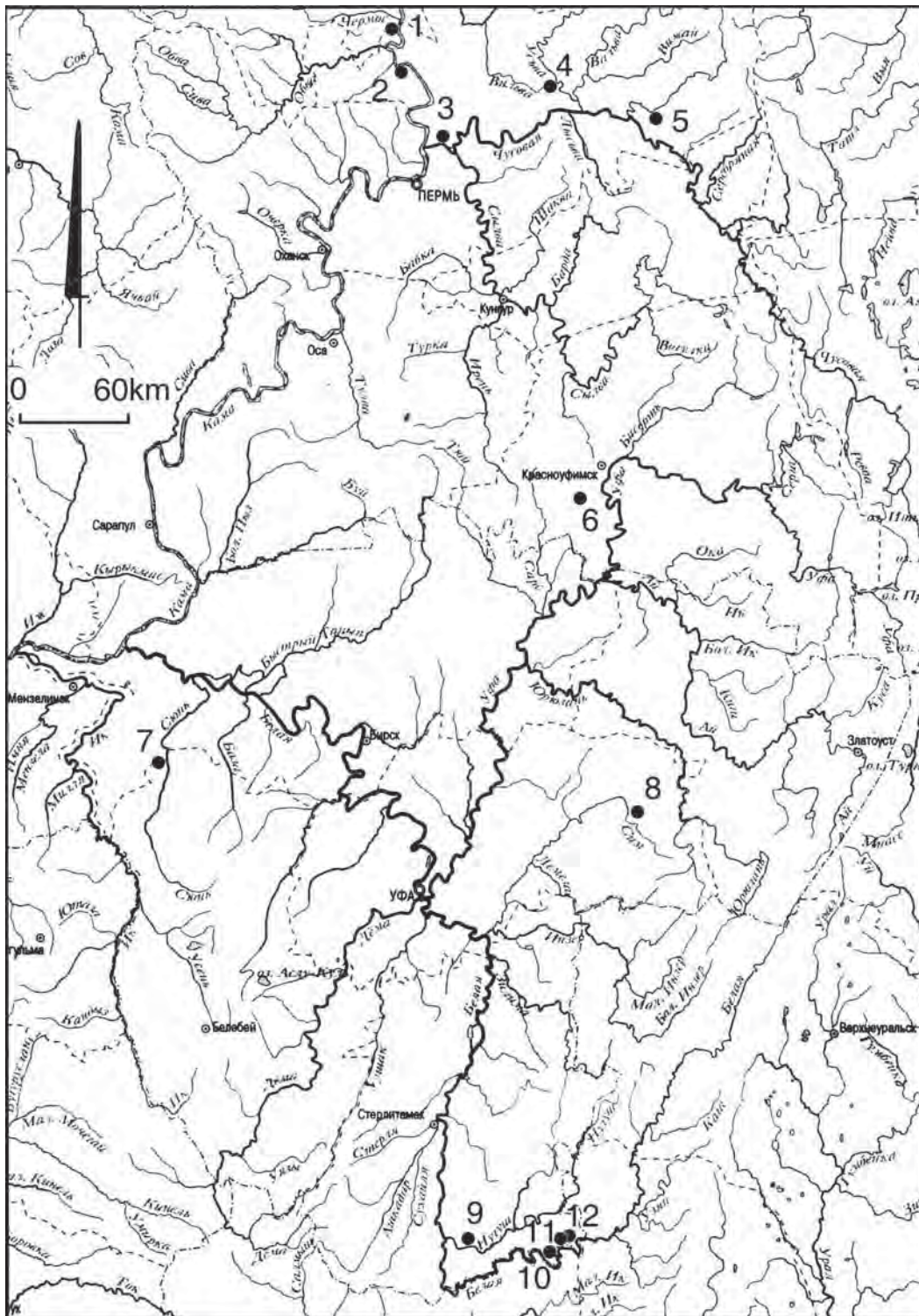

Рис. 1. Карта памятников верхнего палеолита Урала: 1 — ст. Шированово II, 2 — местонах. Ганичата II, 3 — ст. Талицкого, 4 — грот Столбовой, 5 — грот Большой Глухой, 6 — грот Бобылек, 7 — ст. Сюнь 2, 8 — пещера Игнатиевская, 9 — ст. Сергеевка 1, 10 — пещера Байсланташ, 11 — пещера Кульюрт-Тамак, 12 — пещера Шульган-Таш (Каповая)

параллельного снятия с применением призматического, торцевого и уплощающего способов раскалывания нуклеусов, направленных в основном на получение пластин средних размеров, причем микропластинчатая техника не имела широкого распространения (Щербакова, 1986б, с. 7, 15). Это не совсем так, поскольку в коллекции есть три нуклеуса радиального скалывания, один из которых Т.И. Щербакова ошибочно отнесла к долотовидным орудиям (рис. 2, 16), а два других — к скреблам (рис. 3, 1, 2) (Щербакова, 1986а, рис. 26, 16; 34, 1, 2). Также широко использовались плоские нуклеусы параллельно-встречного и ортогонального характера снятий (рис. 2, 19, 20, 23, 25) (Там же, рис. 13, 2; 16, 1–2; 17, 5; Григорьев, 2001, табл. 1, 1, 2; Голдина, 1999, рис. 10, 1). Вызывает сомнения утверждение о незначительном характере производства микропластинок, что опровергается большим количеством небольших нуклеусов с негативами микропластинчатых снятий и самих микропластинок (рис. 2, 19) (Щербакова, 1986а, рис. 13, 2–5; 16, 3–5; 17, 1–3, 5–7; 19, 1–3). Отщепы составляют 38 % всех сколов (Там же, с. 7).

Т.И. Щербакова пишет, что для оформления орудий характерно использование чешуйчатой подтески концов и оформление выступов. В инвентаре представлены единичными экземплярами резцы и острия, распространены укороченные скребки и скребки на пластинах, пластинки с притупленной спинкой, долотовидные подчетыреугольных очертаний (рис. 2, 2, 3, 6–11, 13, 15). Архаичные изделия представлены простыми скреблами на отщепах, чоппингами и крупными унифасами, а точнее крупными скреблами с радиальной огранкой дорсала, имеющими зубчатое лезвие (рис. 3) (Щербакова, 1986а, с. 16; Голдина, 1999, рис. 10, 4). Между тем типология скребков более разнообразна. В коллекции присутствуют стрелчатые скребки, концевые скошенные, с шипом, прямые, двойные скребки (рис. 2, 4–7, 9, 10, 13). Специфической формой является группа двойных скребков небольшого размера с двумя шипами (рис. 2, 6). В коллекции представлена большая серия клювовидных форм, орудий с шипом (рис. 2, 11), усеченных пластин, острий и проколов (рис. 2, 1, 8). Имеются изделия из кости, в частности кость

с нарезками, игла и костяной наконечник с вкладышами из пластинок с притупленной спинкой (рис. 2, 17, 22, 26) (Щербакова, 1986а). Весьма интересной особенностью памятника является наличие плиток с полосами охры (Синицын, 1997).

Еще один памятник исследователи считают аналогом стоянки Талицкого — **грот Столбовой** в Прикамье. Грот расположен на р. Усьва в 4–5 км вниз по течению от пос. Усьва на высоте 120 м над уровнем реки (рис. 1). Вход имеет ширину 15 м, ориентирован на север. Вскрыто 54 кв. м, культурный слой залегал на глубине 1,45–1,7 м в желтой глине. Культурные отложения представлены 200 экз. каменных изделий и более трех тысяч костей животных, среди которых, по определению И.Е. Кузьминой, присутствуют следующие виды: заяц, северный олень, лемминг, лошадь, песец, сайга, носорог, бизон, птицы (Кузьмина, 1975). Инвентарь представлен в основном нуклеидными формами и сколами. Нуклеусы конические, призматические уплощенные и торцевые — самые многочисленные — 7 экз. (рис. 4, 1, 6, 8, 12, 13). Один нуклеус ортогональный, что является прямой аналогией со стоянкой Талицкого (рис. 4, 14). Ведущим типом скола являлись пластины и пластинки шириной 0,9–1,5 см (рис. 4, 4, 5, 7). По мнению Т.И. Щербаковой, техника первичного расщепления находит аналогии на стоянке Талицкого. Сходство дополняется одинаковым характером сырья, а также незначительной величиной большинства изделий в сочетании с отдельными крупными предметами, а также близостью видового состава фауны (Щербакова, 1986б, с. 9; 2001, с. 159). Стоянка была временной, но пребывание сопровождалось первичной обработкой камня, причем большая часть пластин и изделий была унесена из грота. Возраст памятника определен по радиоуглеродной датировке кости 22890 ± 200 лет (JE-2773) (Щербакова, 2001).

Большой интерес для нас представляет стоянка **Троицкая I**, которая выпала из контекста обсуждения проблем верхнего палеолита Урала. Памятник был обнаружен в 1984 г. в Южном Зауралье на берегу р. Уй, недалеко от г. Троицка Челябинской обл. (рис. 1). В ходе строительных работ и раскопок (1990 г.) здесь было найдено 126 костей мамонта

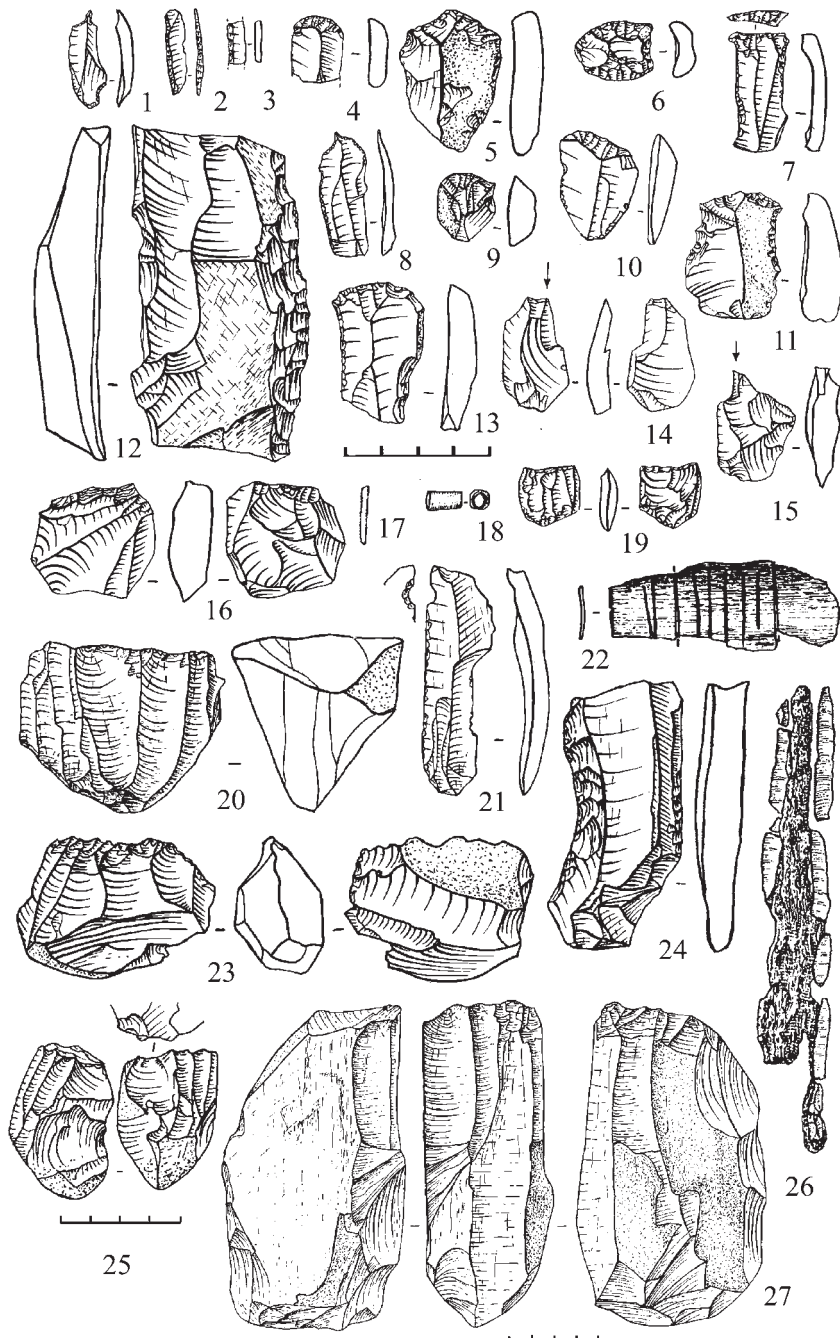

Рис. 2. Стоянка Талицкого (по: Щербакова, 1986): 1, 8 — проколки, 2, 3 — пластинки с притупленной спинкой, 4, 13 — концевые скребки на пластинах, 5 — скребок стрелчатый, 6 — скребок двойной укороченный с шипами, 7, 11 — орудия с шипом, 9 — скребок укороченный, 10 — скребок концевой скошенный на отщепе, 14, 15 — резцы боковые, 16 — нуклеус двусторонний вееровидно-радиальный, 17 — фрагмент костяной иглы, 18 — костяная пронизка, 19 — нуклеус плоский, 20, 25 — нуклеусы конусовидные, 21 — пластинка с выемкой, 22 — фрагмент кости с нарезками, 23 — нуклеус одноплощадочный уплощенный, 24 — пластинка с вогнутым краем, 26 — костяной двухпазовый наконечник, 27 — нуклеус торцовый

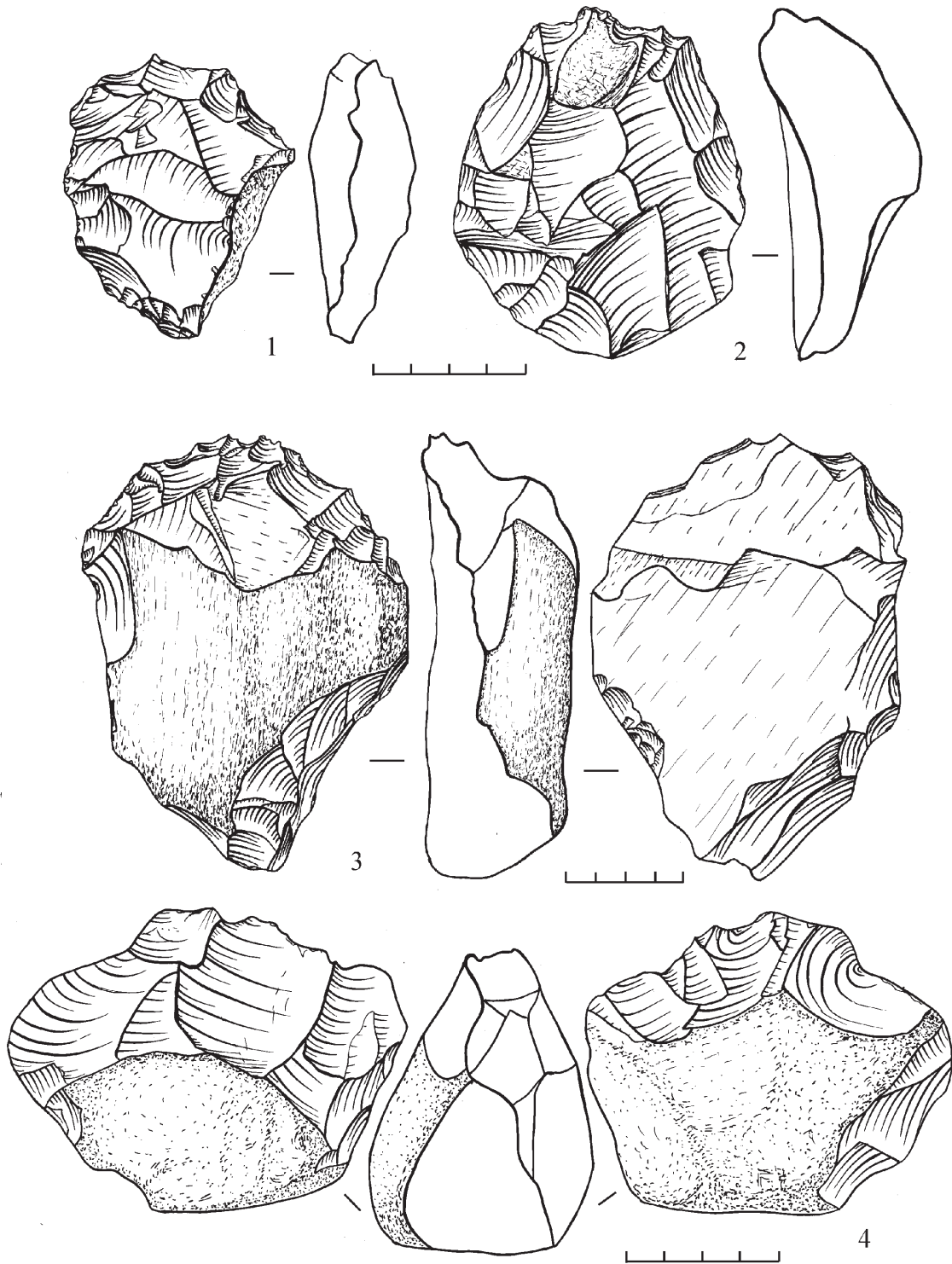

Рис. 3. Стоянка Галицкого (по: Щербакова, 1986): 1, 2 — дисковидные нуклеусы-скребла, 3 — скребло-скобель, 4 — чоппинг

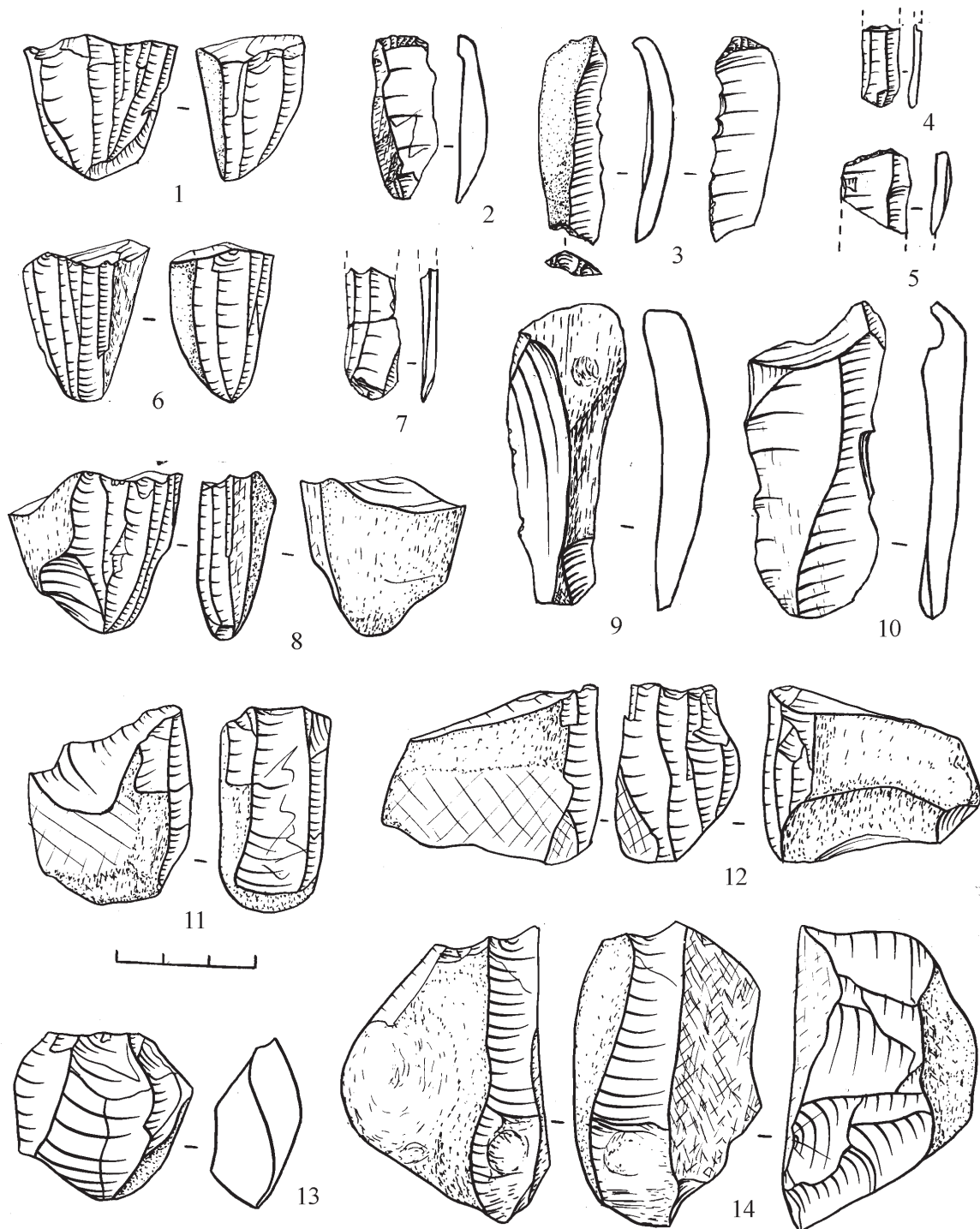

Рис. 4. Грот Столбовой (по: Щербакова, 1986): 1, 6 — нуклеусы конусовидные, 2, 3 — скребки концевые на пластинах, 4, 7, 9, 10 — пластины, 8, 11, 12 — нуклеусы торцевые, 13 — нуклеус одноплощадочный уплощенный, 14 — нуклеус ортогональный

от трех-четырех особей и 38 костей лошади. Радиоуглеродная дата была получена по кости мамонта — $16\ 300 \pm 300$ лет (ИЭРЖ-165). По мнению исследователей, данный памятник является временным стойбищем около скопления костей или туш погибших животных (Широков и др., 2005; Широков и др., 1996, с. 21). Каменные изделия (188 экз.) были изготовлены из местного галечного сырья, причем более половины — из хрусталя. Нуклеусы подразделяются на торцевые (рис. 5, 13, 14) и двусторонний, вееровидно-радиальный (рис. 5, 1). В качестве заготовки использовались неправильные широкие пластины (рис. 5, 3, 9, 10, 12, 15, 16) и отщепы с радиальной или бессистемной огранкой (рис. 5, 2, 4, 5, 11). Орудия — 6 скребков укороченной формы (рис. 5, 4, 6, 7, 8) и 3 резца на сегментах пластин (рис. 5, 9, 10, 12). Изделие на отщепе с бессистемной огранкой представляет собой стрелчатый скребок (рис. 5, 5). Один двойной скребок с двумя шипами аналогичен изделию со стоянки Талицкого (рис. 5, 6). Орудие на дистальном фрагменте пластины имеет ретушь по поверхности слома, образуя шиповидное острие (рис. 5, 16). Уникально костяное изделие из пястной кости лошади с просверленным отверстием (рис. 5, 17).

Небольшое количество находок ограничивает возможности анализа, но с нашей точки зрения технико-типологические характеристики этого памятника, в частности наличие различных нуклеусов, аморфность пластин, отщепы с бессистемной огранкой, укороченные скребки, орудие с шипом, указывают на принадлежность этого памятника к той же культурной традиции, что и стоянка Талицкого.

От концепции Т.И. Щербаковой отличаются взгляды П.Ю. Павлова. Он первоначально исходил из принципиального сходства памятников верхнего палеолита, которые разделил на две хронологические группы. Первая группа объединяет памятники, относящиеся к среднему и началу позднего валдая в промежутке 30–20 тыс. лет. Вторая группа относится к позднеледниковью, ко времени 12–10 тыс. лет.

Памятники первой хронологической группы П.Ю. Павлов разделял на два варианта. К первому, который он предлагает назвать «среднеуральским»,

были отнесены памятники, близкие по облику стоянке Талицкого: стоянка им. Талицкого, грот Столбовой, V слой грота Большой Глухой, местонахождения Ганичата III и Драчево в Прикамье, а также Медвежья пещера в верховьях р. Печоры на Северном Урале. Второй вариант был представлен стоянками Бызовая и Заозерье. Грот Блинецова был выделен в отдельную группу, не относящуюся ни к одному из вариантов.

Для среднеуральского варианта, по П.Ю. Павлову, характерно следующее: использование галечного сырья, призматические, торцевые и, реже, плоские нуклеусы, присутствие крупных орудийных форм типа чопперов и скребел. Орудия представлены следующими категориями: скребки концевые на фрагментах пластин и округлые на отщепах, изделия с выемками и шипами, усеченные пластины, долотовидные орудия, проколки с плечиками, пластины и микропластины, пластинки с притупленным краем, скребла, орудия с «носиком» верхнекамского типа. Причем тогда только предполагалась их связь с памятниками позднеледникового времени (Павлов, 1988, с. 16–17; 1996, с. 124–125). В своей первой монографии П.Ю. Павлов рассмотрел подробнее характеристики «среднеуральского варианта», куда он добавил стоянку Гари в Среднем Зауралье (Павлов, 1996, с. 124–126). Уже в следующей монографии «Археология Республики Коми» (1997) памятники «среднеуральского варианта» им были объединены в «среднеуральскую культуру», существовавшую в период 17–13 тыс. л.н. (Павлов, 1997, с. 72). Обосновывая прерывистый характер заселения Северо-Востока Европы, П.Ю. Павлов на XV Уральском археологическом совещании предложил уже другие временные рамки среднеуральской верхнепалеолитической культуры (или группы родственных культур) — 19–12 тыс. л.н., которая генетически родственна «культурам мальтинского круга верхнего палеолита Северной Азии» (Павлов, 2001, с. 56).

В последующем Т.И. Щербакова поддержала мнение П.Ю. Павлова и включила в группу типа стоянки Талицкого местонахождения Драчево и Ганичата III (Щербакова, 2001). В частности, она считает, что эти местонахождения близки по тех-

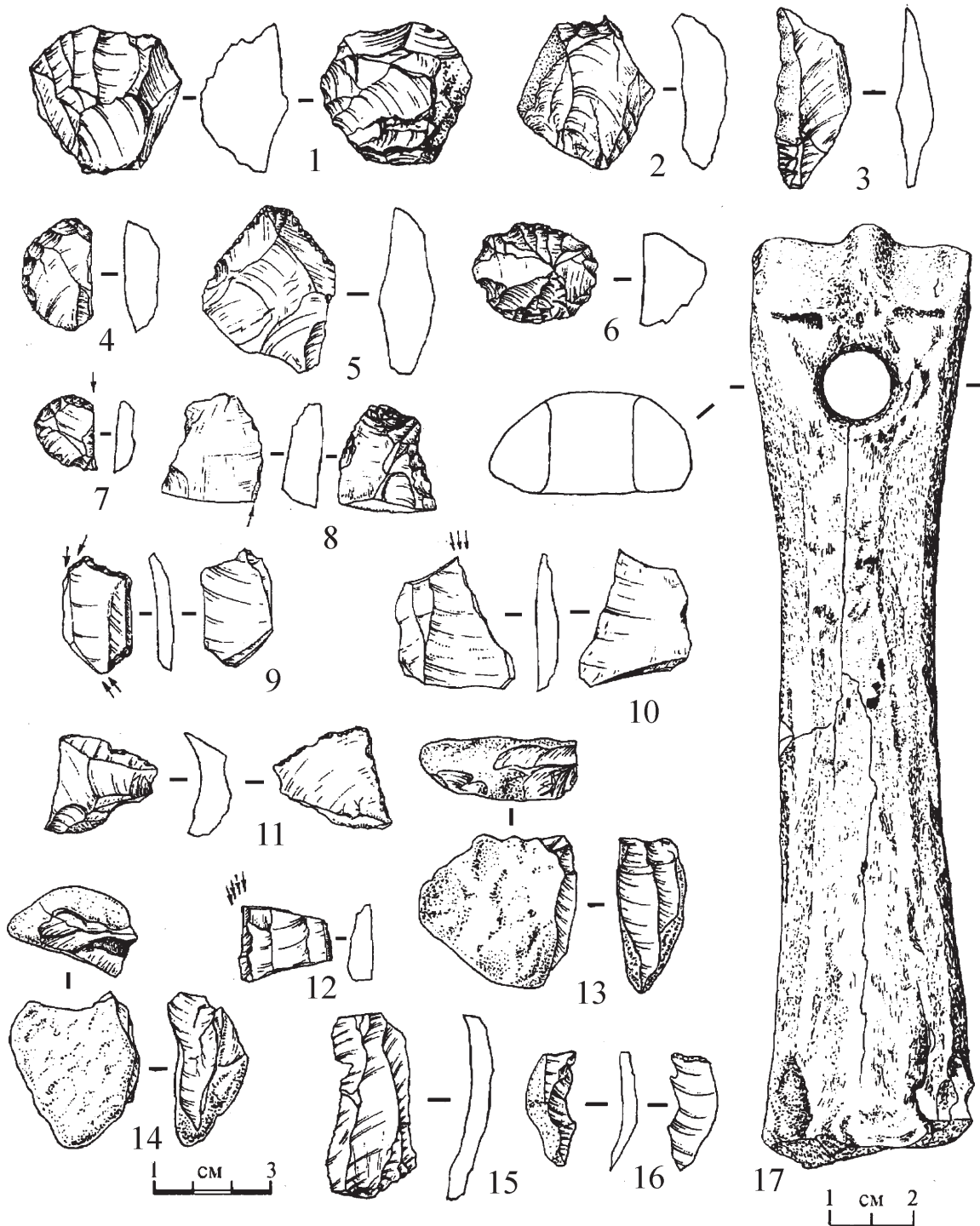

Рис. 5. Стоянка Троицкая I (по: Широков и др., 1996): 1 — нуклеус двусторонний параллельно-дисковидный, 2, 8, 11 — отщепы с ретушью, 3, 15 — пластины, 4 — скребок боковой, 5 — скребок стрелчатый, 6 — скребок двойной укороченный с шипами, 7 — скребок-резец, 9, 10, 12 — резцы, 13, 14 — нуклеусы торцовые, 17 — кость лошади с отверстием

нике первичной обработки, выбору сырья, наличию шиповидных изделий, некоторых форм скребков, микропластинок с притупленной спинкой (Там же, с. 161). С этим нельзя не согласиться.

В этой же работе Т.И. Щербакова подробно рассмотрела материалы из **грота Близнецова** в сравнении со стоянкой Талицкого. Грот находится на р. Косье, левого притока р. Камы (рис. 1). Памятник выявлен Е.П. Близнецовым. Раскопки производились в 1967 г. О.Н. Бадером. Было получено 300 экз. каменных изделий и около трех тысяч костей. Большая часть остатков фауны, по определению И.Е. Кузьминой, принадлежит мамонту, также представлены кости северного оленя, лошади, зайца, песца, носорога, сайги, овцебыка, лося, бизона. По кости была получена дата 28540 ± 300 лет (JE-2766), что в совокупности с присутствием животных умеренного климата, лося и овцебыка, характеризует эти отложения как относящиеся к ленинградскому горизонту (Щербакова, 2001, с. 162). Следовательно, по фауне и возрасту грот Близнецова отличается от стоянки Талицкого. Различия дополняются использованием другого сырья — мелового кремня. Первичное расщепление представлено торцевыми, клиновидными, призматическими и радиальными нуклеусами (рис. 6, 6–11). Среди нуклеусов имеются уплощенные формы (рис. 6, 7, 10). Присутствуют пластины и отщепы. Среди отщепов много изделий с радиальной огранкой (рис. 6, 2), что дополнительно свидетельствует в пользу присутствия нуклеусов радиального скалывания. Среди орудий выделяются орудие с шипом, вентральный скребок, скребки высокой формы на обломке и на массивном сколе (рис. 6, 2, 3, 5). По этим двум признакам Т.И. Щербакова относит индустрию грота Близнецова к иной традиции и сближает ее с индустрией стоянок раннего этапа верхнего палеолита: Бызовой, Заозерье, Горново и грота у Каменного Кольца (Там же, с. 164). Этот вывод явно основан на абсолютизации выделения отдельных «специфических изделий», которые имели характер «диагностических форм», принадлежащих определенной эпохе или стадии палеолита (Щербакова, 2001, с. 164). Согласно такому подходу нуклеусы радиального скалывания и скребки высокой формы должны были

относиться к раннему этапу верхнего палеолита. Между тем весь набор нуклеусов имеет полную аналогию как на стоянке Талицкого, так и на стоянках Троицкая 1 и Сергеевка 1. Точно так же не противоречат этому сближению и состав орудий. На стоянке Талицкого есть скребки высокой формы (Щербакова, 1986а, рис. 21, 5, 7, 8, 10, 11), а также с ретушью на вентрале (Григорьев, 2001, табл. 1, 4, 7). Орудия же с шипом являются чуть ли не визитной карточкой памятников, близких стоянке Талицкого. Поэтому на памятнике нет ничего, что противоречило бы отнесению грота Близнецова к кругу памятников этой традиции. Остаются, правда, два момента, которые отличают грот Близнецова от стоянки Талицкого, — это охотничье предпочтение мамонта остальным животным и то, что памятник древнее на 10 тыс. лет.

В русле нашего рассмотрения большое значение имеют материалы стоянки **Шированово II** в устье р. Иньвы на правом берегу Камского водохранилища вблизи д. Шированово (Ильинский район Пермского края) (рис. 1). Памятник был открыт и обследовался с 1990 по 2000 г. Э.Ю. Макаровым, в 2006 г. — П.Ю. Павловым (Макаров, Павлов, 2007). Стратиграфическое положение культурных отложений стоянки Шированово II имеет сходство со стоянками Талицкого и Ганичата II, что предположительно указывает на их сходный возраст (Там же, с. 8–9). На стоянке Шированово II были собраны кости плейстоценовых животных: лошади (абсолютно преобладает), мамонта, носорога, северного оленя. Коллекция каменных изделий составила около 5000 экз., среди них около 700 орудий. Каменное сырье представлено разнообразными породами аллювиального галечника местного происхождения. Интересно, что для этой стоянки характерно подавляющее использование уплощенных форм нуклеуса с одной или двумя сильно скошенными площадками. Об этом свидетельствуют многочисленные заготовки с негативами параллельно-встречных снятий (Макаров, Павлов, 2007, рис. 3, 4, 5; 4, 3, 4, 9, 25, 26, 28; 6, 19, 21, 27; 7, 4, 18). Чрезвычайно важно, что, по мнению П.Ю. Павлова, «характерными для данной индустрии являются также нуклеусы с двумя поверхностями расщепления, расположенными перпендикулярно»,

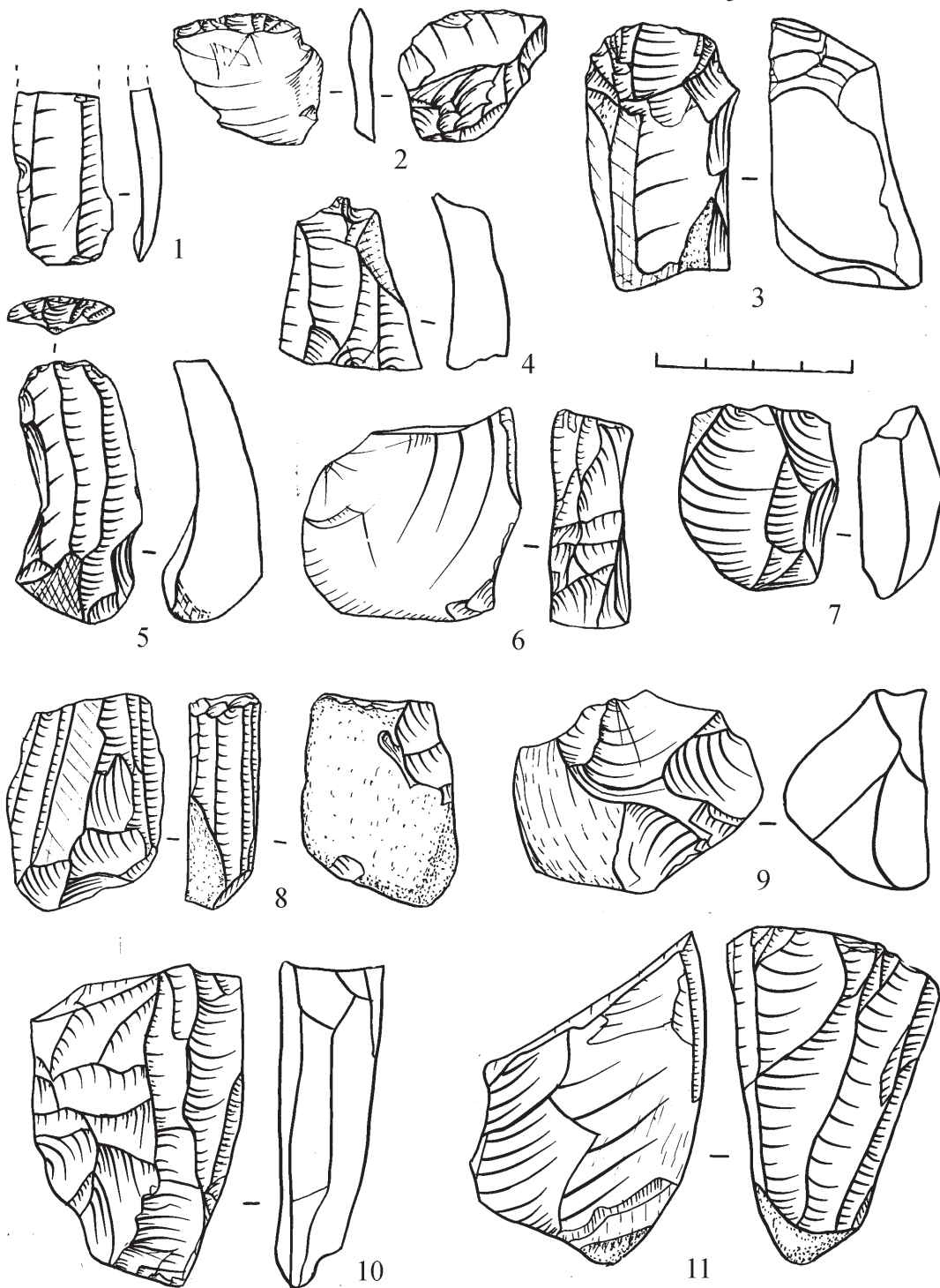

Рис. 6. Грот Близнецова (по: Щербакова, 1986): 1 — пластина, 2 — скребок вентральный, 3 — скребок концевой высокой формы, 4 — орудие с шипом, 5 — скребок концевой, 6, 8, 10 — нуклеусы торцовые, 7 — нуклеус одноплощадочный уплощенный, 9 — нуклеус радиальный, 11 — нуклеус конусовидный

то есть ортогональные нуклеусы, и только в небольшом количестве встречены торцовые и плоские формы ядрищ (Макаров, Павлов, 2007, с. 9). Вместе с тем по рисункам видно, что большой процент отщепов имеет радиальную или бессистемную огранку (Там же, рис. 3, 2, 3, 5, 8, 9, 10, 11, 16; 4, 14; 5, 2, 3, 5, 6, 8, 11, 12, 16; 6, 4; 7, 1, 3, 12, 16; 8, 9). Это говорит о том, что на памятнике были широко представлены нуклеусы радиального снятия.

Среди орудий преобладают скребки высокой формы, укороченные, с ретушированными краями, а также округлой формы с ретушью по всему периметру. Большой серией представлены разнообразные резцы. П.Ю. Павлов особо выделил орудия с носиком верхнекамского типа. Долотовидные орудия типологически однородны и сопоставимы с подобными изделиями со стоянки Талицкого. Другие орудия отнесены к остриям, проколкам и ножам. Перечисленные выше характеристики, а также наличие поперечных или продольных скребел, зубчато-выемчатых орудий или скребел, чопперов и чоппингов подтверждают вывод П.Ю. Павлова о том, что «стоянка Широфаново II по технико-морфологическим и типологическим характеристикам каменного инвентаря является полной аналогией стоянки Талицкого» (Макаров, Павлов, 2007, с. 12). Единственное отличие — наличие большого количества резцов в материалах стоянки Широфаново II (Там же, с. 13). Следует также отметить и такую немаловажную деталь, как присутствие приема вентральной обработки орудий (Там же, рис. 3, 19; 4, 18, 19; 5, 2, 6, 5, 6, 22, 26, 27; 7, 12, 18; 8, 1, 7, 8), что можно считать архаическим признаком для индустрии конца верхнего палеолита.

В последние годы П.Ю. Павлов конкретизировал свои представления о верхнем палеолите Урала (Павлов, 2007; 2008; 2012). Он обосновывает резкое отличие памятников начального и раннего этапа верхнего палеолита от ряда памятников позднего валдая, которые объединяет в уральскую культуру, существовавшую 19–9,5 тыс. л.н. Ее он разделяет на два периода: позднего верхнего палеолита и финала верхнего палеолита. Первый период подразделяется на два этапа: ран-

ний (19–16 тыс. л.н.), куда относятся стоянка Талицкого, Медвежья пещера, Ганичата II, Широфаново II, возможно, Троицкая I, и средний (15–13 тыс. л.н.), к которому отнесены сначала V слой грота Большой Глухой, грот Бобылек, пещеры Кульюрт-Тамак, Байсланташ, Каповая, Игнatieвская (Павлов, 2008). Затем из этого списка исчез V слой грота Большой Глухой и были добавлены стоянки Кумышанская, Гари, Усть-Койвинская пещера, пещера Котел и ранний комплекс Игнatieвской пещеры, причем верхняя граница периода достигла 12,5 тыс. л.н. (Павлов, 2012, с. 12). Для этого периода характерно использование галек из речных отложений. Первичная обработка основана на параллельном способе объемного и плоскостного расщепления. Нуклеусы призматические, уплощенно-призматические с продольно-поперечным скалыванием, коническими и торцевыми формами. В качестве заготовок в равной степени присутствуют отщепы и пластины. Во вторичной обработке широко использовались приемы резцового скола, чешуйчатой подтески, оформление шипов и выступов. Орудийный набор характеризуется концевыми скребками на пластинах и отщепах, в том числе высокой формы, округлыми, укороченными скребками, пластинами с ретушью, пластинами с притупленной спинкой, усеченными пластинами, шиповидными и зубчатыми формами, остриями на пластинах, проколками «с плечиками», боковыми, поперечными, угловыми резцами, чопперами и чоппингами, крупными скреблами, двусторонними и односторонними наконечниками из кости (Павлов, 2007, с. 74).

К финальному этапу (11–9,5 тыс. л.н.) относятся стоянка Горная Талица, грот Столбовой, Усть-Пожва II–VI, Горка, III культурный слой грота Большой Глухой. П.Ю. Павлов отмечает большое сходство индустрий памятников этого этапа с предшествующими. Отличия, с его точки зрения не имеющие принципиального характера, заключены в следующем: на памятниках финального этапа больше правильно ограненных пластин, и они длиннее, появляются новые типы орудий — пластинки с притупленной спинкой и обработанными концами, высокие трапеции, скошенные острия, бесчерешковые наконечники стрел, топоры с пере-

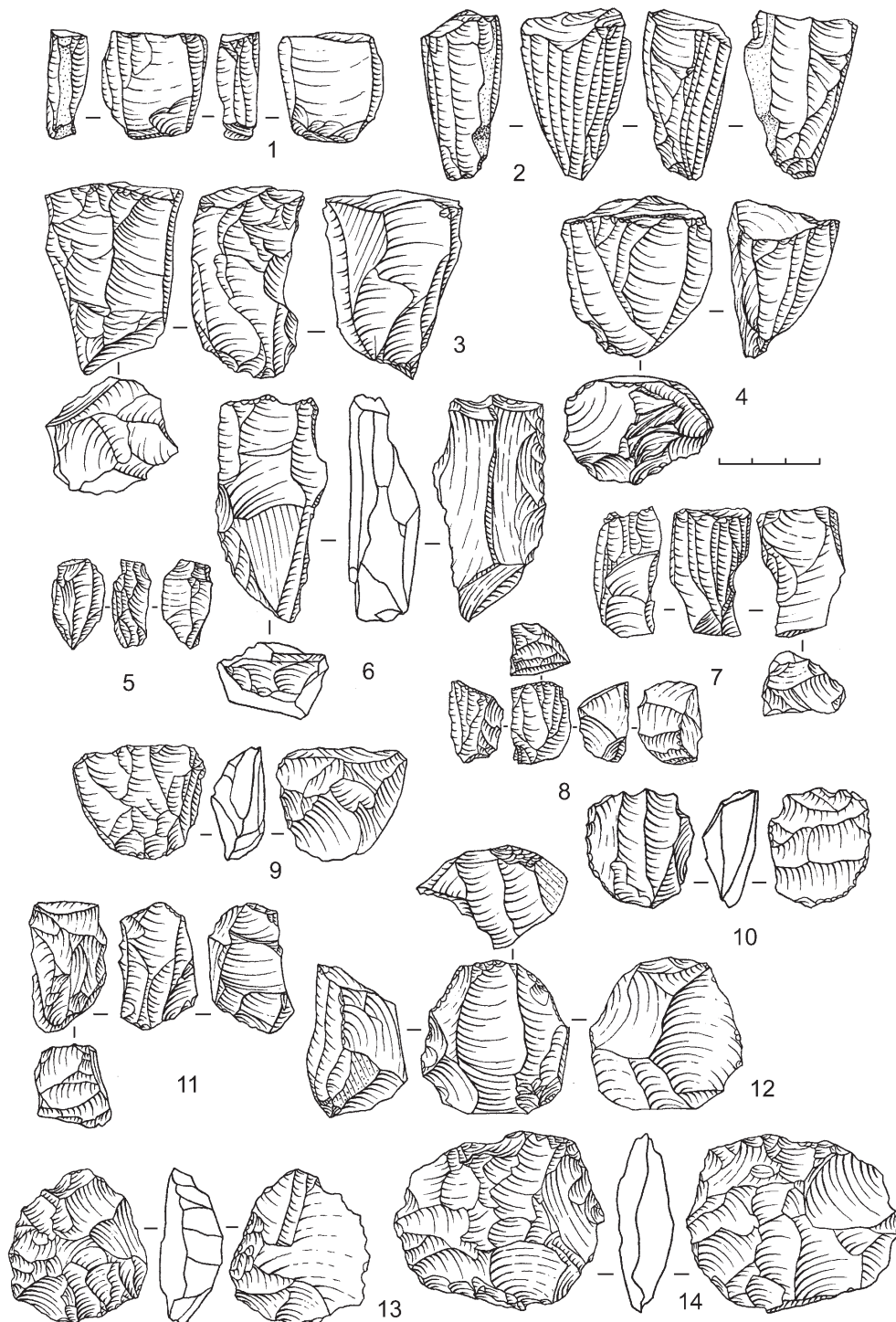

Рис. 7. Стоянка Сергеевка 1. Нуклеусы: 1 — торцовый, 2, 4 — конусовидные, 3, 5 — двуплощадочные параллельно-встречного снятия, 6 — торцовый двуплощадочный, 7 — призматический, 8, 11 — ортогональные, 9, 10, 12 — двусторонние параллельно-радиальные уплощенные, 13, 14 — двусторонние радиальные уплощенные

хватом (Павлов, 2007, с. 74). В последней публикации исчезает разрыв в два тысячелетия между средним и финальными периодами «уральской культуры» и последний начинается от 12,5 тыс. л.н. (Павлов, 2012, с. 12). К этому этапу были отнесены новые памятники: Рязановский Лог, третий культурный слой грота Большой Глухой, стоянка Пымва Шор I и «поздний комплекс» Игнатиевской пещеры, к которому П.Ю. Павлов отнес смешанную коллекцию из подъемного материала (Павлов, 2012, с. 12; Петрин, 1992, с. 117–138).

П.Ю. Павлов указывает на сходство памятников «уральской культуры» со стоянкой Постников овраг в Самаре, стоянкой Черноозерье II на Иртыше, с местонахождением Луговское в Притоболье (Павлов, 2007, с. 77). Он не включил их в «уральскую культуру», хотя разброс памятников на Урале допускает такую возможность. Также П.Ю. Павлов указывает на близость к памятникам ангаро-чумымской общности средней стадии верхнего палеолита Сибири, которая может иметь характер генетического родства. На этом основании он считает, что «уральская культура» принадлежит к сибирскому верхнему палеолиту. При этом автор концепции не видит никакой связи с памятниками раннего этапа верхнего палеолита Урала и Сибири, поскольку в уральской культуре нет значительного мустьерского компонента (Там же, с. 77, 78).

Слабость гипотезы П.Ю. Павлова заключается в следующих положениях. Памятники разбросаны на огромной территории — от Северного Урала до южного окончания Южного Урала, от устья Камы на западе до Сибирских Увалов на востоке. Их временной интервал более чем 10 тыс. лет противоречит нашим представлениям о характере существования археологических культур. Грот Столбовой в Прикамье имеет возраст более 22 тыс. лет и формально не может относиться к этой группе памятников. По технико-типологическим характеристикам стоянки Гари и Медвежья пещера существенно отличаются от стоянки Талицкого и не могут на этом основании принадлежать к одной археологической культуре (Сериков 2009, с. 84–85). На стоянке Талицкого единичными экземплярами представлены резцы, в то время как на других памятниках они являются ведущей после скребков

орудийной формой. Т.И. Щербакова и П.Ю. Павлов не «заметили» в индустрии стоянок Талицкого, Широфаново II и Троицкой I приемов радиального раскалывания нуклеусов. Это в совокупности с приемом ортогонального расщепления нуклеусов указывает на неустойчивость ударной площадки, что наряду с наличием плоских форм нуклеусов является важным признаком «мустьерской» технологии вместе с другими «мустьерскими» элементами (чопперами, крупными скреблами, вентральной обработкой и др.). Еще более усложняют картину выводы, полученные на основе анализа материалов недавно открытой стоянки Сергеевка 1 в Южном Приуралье.

Стоянка **Сергеевка 1** расположена в Мелеузовском районе Башкирии на левом берегу Нугушского водохранилища, в его северо-восточной части, поблизости от впадения р. Нугуш (рис. 1). Памятник открыт в 2008 г. археозоологом Д.О. Гимрановым, в 2009–2010 гг. обследовался экспедицией ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством В.Г. Котова. Памятник приурочен к выположенной части второй надпойменной террасы р. Нугуш высотой до затопления 20–30 м. Южная граница представляет вертикальный обрыв высотой 2 м. По зачистке обрыва в центре стоянки было установлено, что культурный слой залегает на контакте темно-бурого тяжелого суглинки, относящегося к Кудашевскому горизонту верхнего неоплейстоцена, и светло-бурой глины с известняковым щебнем (Гимранов и др., 2012, с. 24–25). На поверхности стоянки были найдены кости плейстоценовой сохранности — 192 экз., большая часть которых принадлежит лошади (86 экз. — 90 %), бизону (5 костей — 6 %), носорогу, оленю, мамонту (по 1 кости). По костям была получена дата 18000 ± 340 лет (Ле-9603) (Котов, Румянцев, 2012).

Изделия из яшмы и кремня различной окраски были изготовлены из приносного сырья. Всего собрано 1528 изделий из камня. Особенностью памятника является большое количество изделий из галек. Большая их часть — нуклеусы (70 экз.). Среди кварцитовых нуклеусов обнаружено одноплощадочных 35 экз., двухплощадочных 13 экз., ортогональных 9 экз. (рис. 8, 4), дисковидных 4 экз. (рис. 8, 1). Типы этих нуклеусов совпадают с ядри-

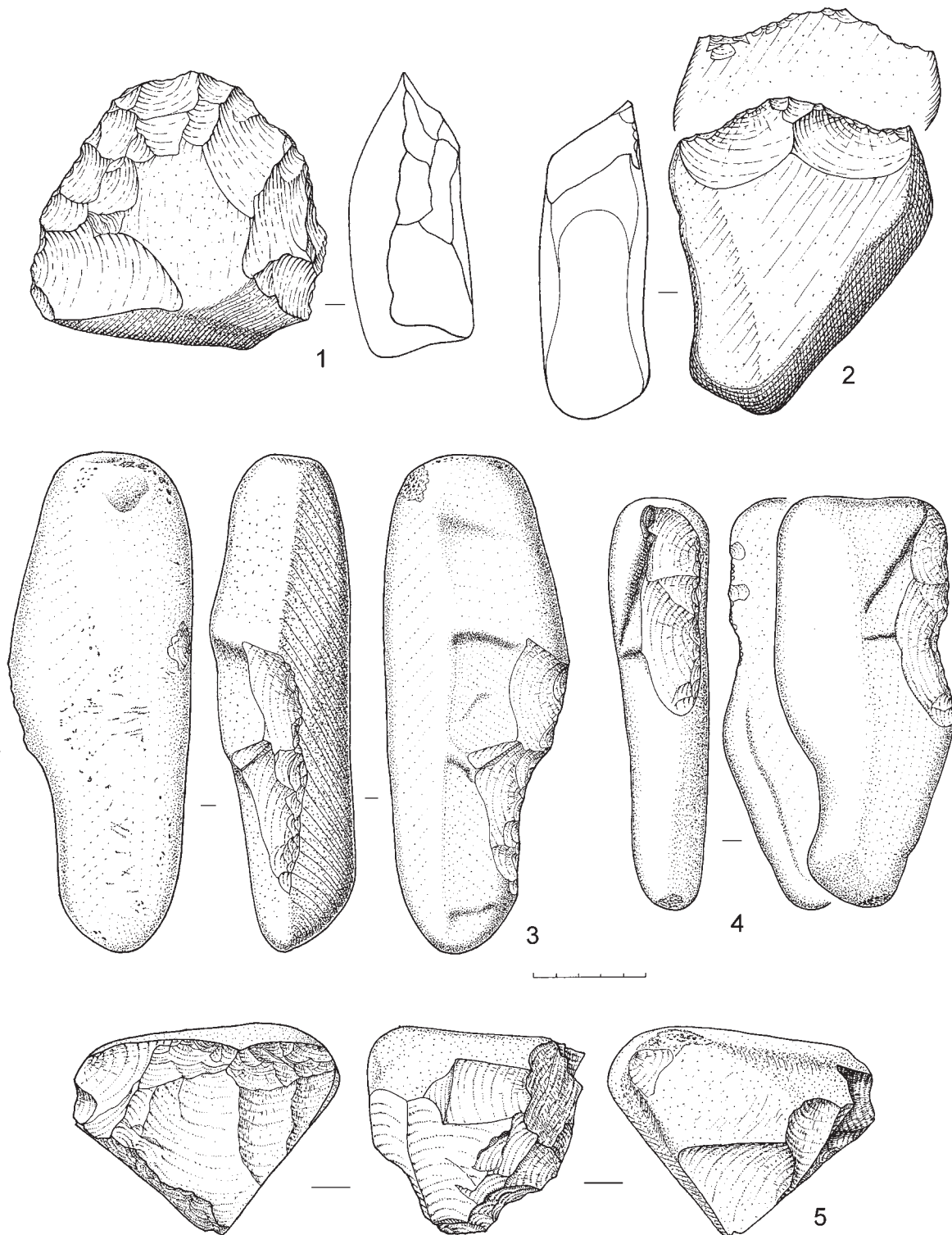

Рис. 8. Стоянка Сергеевка 1. Кварцитовые изделия: 1 — нуклеус радиальный, 2 — чоппер, 3 — молот-отбойник, 4 — рубящее орудие (цалди), 5 — нуклеус ортогональный

щами из кремнистых пород. Основной формой заготовки с кварцитовых нуклеусов являлись отщепы (82 экз.).

Пластины и пластинчатые отщепы из кремнистых пород составляют 196 экз., или 12 % от всех находок. В целом технико-типологические характеристики каменных изделий характеризуют коллекцию как единый комплекс и указывают на верхнепалеолитический облик индустрии. Оригинальным является сочетание развитой пластинчатой индустрии с использованием галечных форм и мустьерских технологий. Первичное расщепление имело направленность в получении пластин средней ширины (1–2 см) длиной 3–5 см (рис. 10, 1, 9, 10, 12; 11). Большинство целых пластин имеет изогнутый профиль и хорошо выраженный ударный бугорок. Не случайно основное количество пластинчатых заготовок фрагментировано (рис. 10, 1, 9–12; 11, 1–10, 12, 14–18). При разнообразии нуклеусов ведущей формой являлись объемные — призматические, конусовидные, ортогональные и торцевые (рис. 7, 1–7). Наряду с этим большие серии составляют уплощенные и плоские формы: ортогональные и радиальные нуклеусы (рис. 7, 8–14; 8, 1). Много нуклеусов небольших размеров для получения микропластинок (рис. 7, 5, 8). Важная особенность первичного раскалывания — неустойчивость расположения ударных площадок, что проявляется в параллельно-встречном, ортогональном и радиальном характере снятий заготовок. Это видно по наличию леваллуазских нуклеусов, леваллуазских сколов и в радиальной огранке многих отщепов. Самой многочисленной категорией оказались резцы различных типов: на углу сломанной пластины, ретушные, многофасеточные, латеральные, двойные, тройные и пр. (рис. 9, 6–20).

Следующая категория — скребки. Они также имеют различную форму. Среди них наиболее характеризуют памятник следующие типы: стрельчатые, с шипом, вентральные, с рыльцем, двойные, округлые, высокой формы (10, 2–6, 8). Есть комбинированные орудия: скребок-резец, скребок-острие и др. Не менее многочисленны различные изделия с чешуйчатой подтеской углов, шиповидных выступов и острий: резчики, клювовидные формы, орудия с шипом, острия (рис. 10, 1, 7, 9, 11; 11, 9).

Среди орудий есть выделенные морфологически проколки с плечиками (рис. 10, 10). Внушительное количество (70 экз.) составляют ретушированные пластины (рис. 11, 17, 19, 21). Большую серию образуют орудия с выемками на пластинах и отщепах (рис. 10, 12; 11, 14, 20, 21). Хорошо выражены долотовидные, в основном они имеют четырехугольную форму (рис. 9, 1–5). Единичными экземплярами представлены усеченные ретушью пластины (рис. 11, 15, 16, 18) и пластинки с притупленным краем (рис. 11, 1, 8, 9). Четыре сегмента пластин с ретушированными краями треугольной и трапециевидной формы напоминают геометрические вкладыши (рис. 11, 2–5).

Мустьерские черты в орудийном наборе стоянки Сереевка 1 проявляются в наличии крупных скребел на массивных леваллуазских отщепах — 9 экз. (рис. 10, 13–15) и галечные орудия (чопперы, молоты и рубящее орудие типа «щалди») (рис. 8, 2–4). Архаическими чертами в оформлении орудий следует считать размещение рабочих участков на вентрале или на проксимальном участке пластин и отщепов (рис. 10, 10; 11, 16–18).

Эти характеристики находят аналогии не только на памятниках среднего этапа верхнего палеолита «типа стоянки Талицкого», но и на памятниках, которые были исключены из этой традиции, поскольку их относили из-за наличия признаков радиального расщепления нуклеусов к раннему этапу верхнего палеолита: грот Близначева в Прикамье и грот у Каменного Кольца на р. Сим в Челябинской области. Кроме того, становится понятным сочетание пластинчатой индустрии и мустьерских орудий на стоянке Горново в Уфимском районе Башкортостана, которая датируется 27–30 тыс. л.н. (Котов, 2011, с. 33). Точно так же не противоречит верхнепалеолитическому возрасту материалы стоянки Ильмузино в Кушнаренковском районе Башкортостана, сочетающие изделия на пластинах и дисковидные нуклеусы (Матюшин, 1976, с. 75, 313, табл. 15, 8, 15). Вместе с тем памятники с пластинчатой индустрией появляются на Южном Урале более 31 тыс. л.н. — это пещерная стоянка Смеловская II, нижний культурный слой (датировки 31 и 41 тыс. л.н.) в Южном Зауралье (Бадер, 1971; Кузьмина, 1997) и открытые стоянки

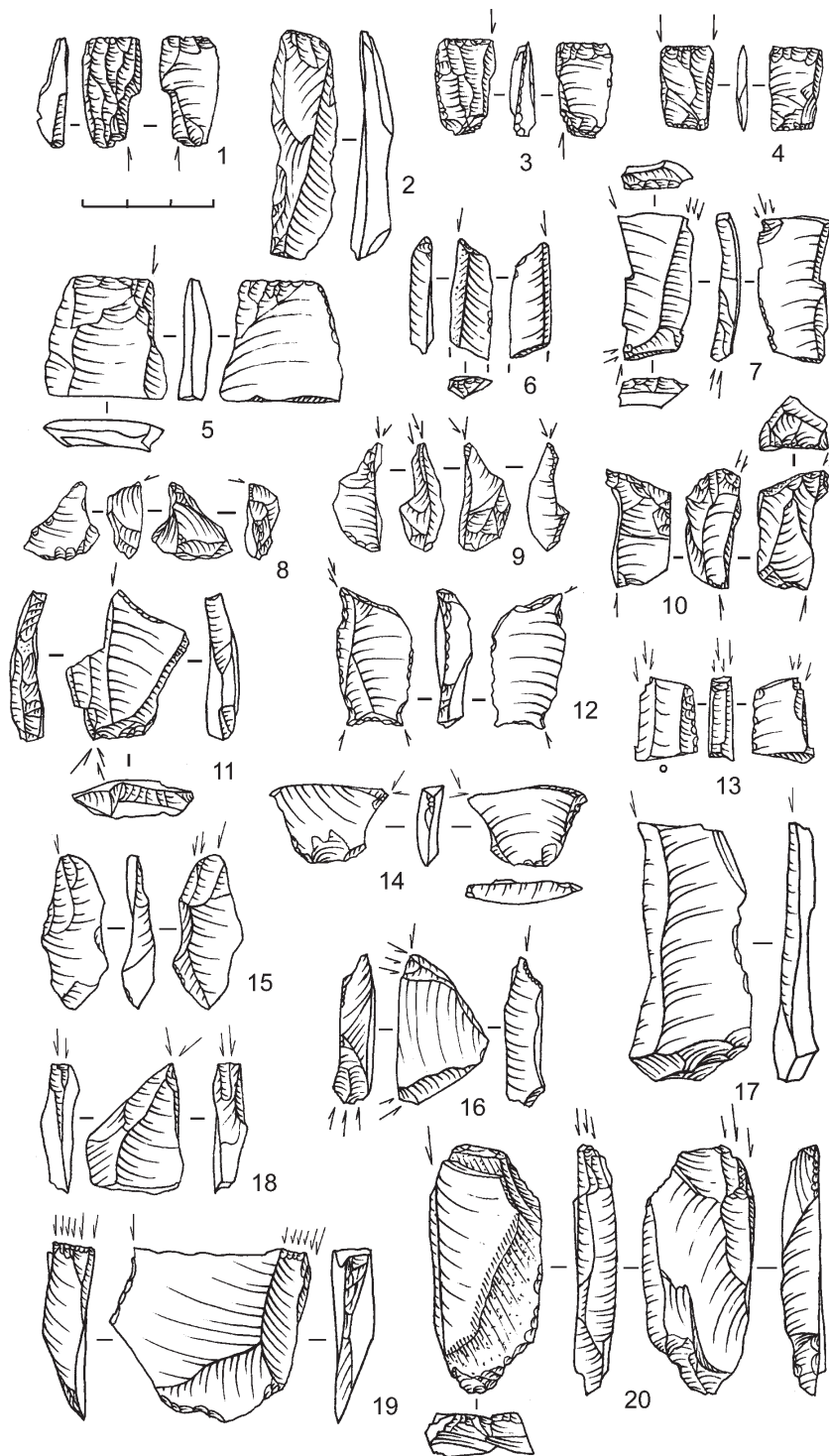

Рис. 9. Стоянка Сергеевка 1. Каменные изделия: 1 — орудие с шипом, 2 — нуклеус-скребок, 3–5, 8 — скребки высокой формы, 6 — микроскребок на пластинке с ретушью, 7 — острие на пластинке, 9, 11 — острие двойной на ретушированной пластине, 10 — проколка, 12 — орудие с выемчатыми лезвиями на массивной пластине, 13 — конвергентное скребло, 14 — скребло с зубчатым лезвием, 15 — скребло-рубящее орудие на леваллуазском отщепе

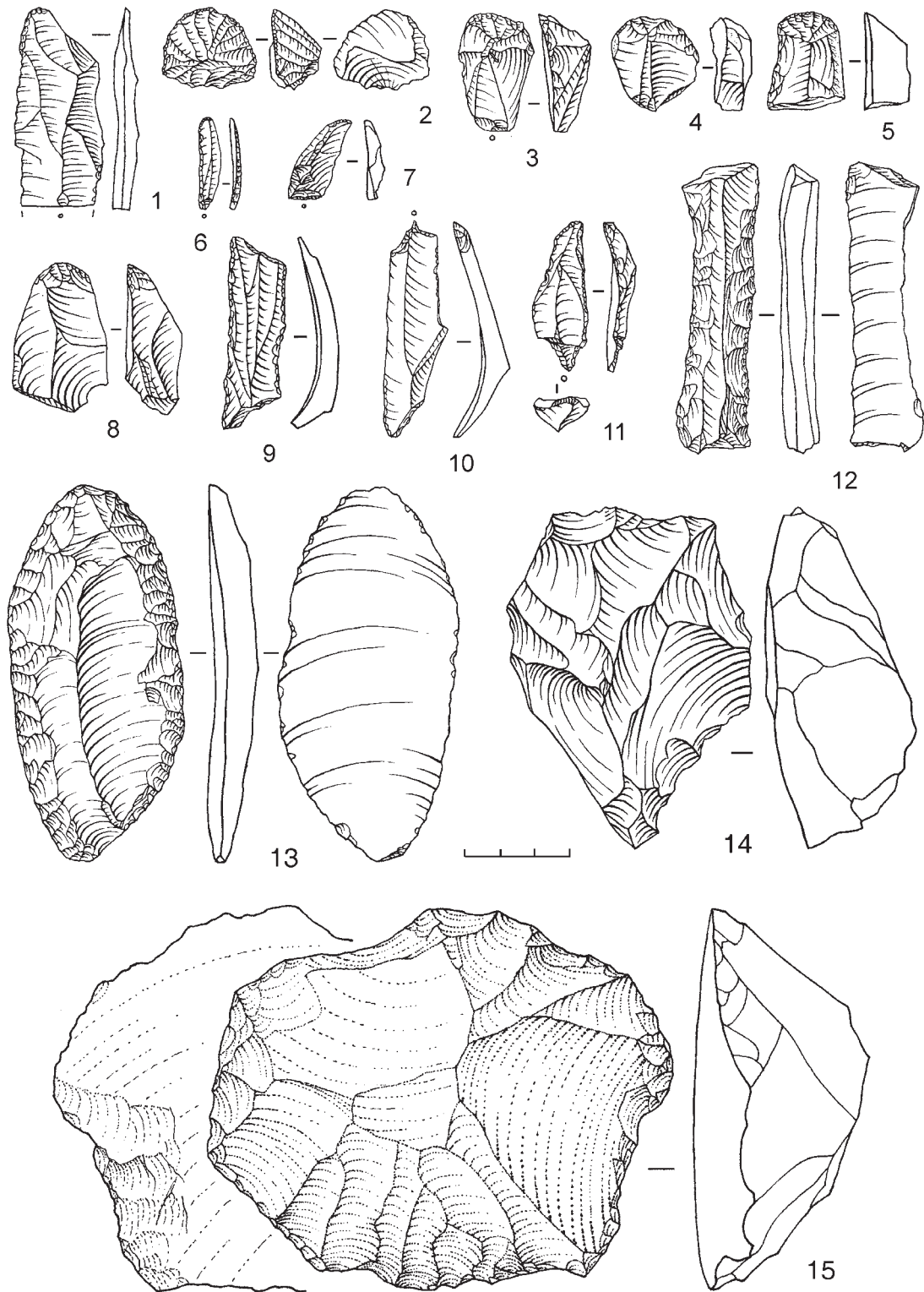

Рис. 10. Стоянка Сергеевка 1. Каменные изделия: 1–5 — долотовидные орудия, 6–20 — резцы

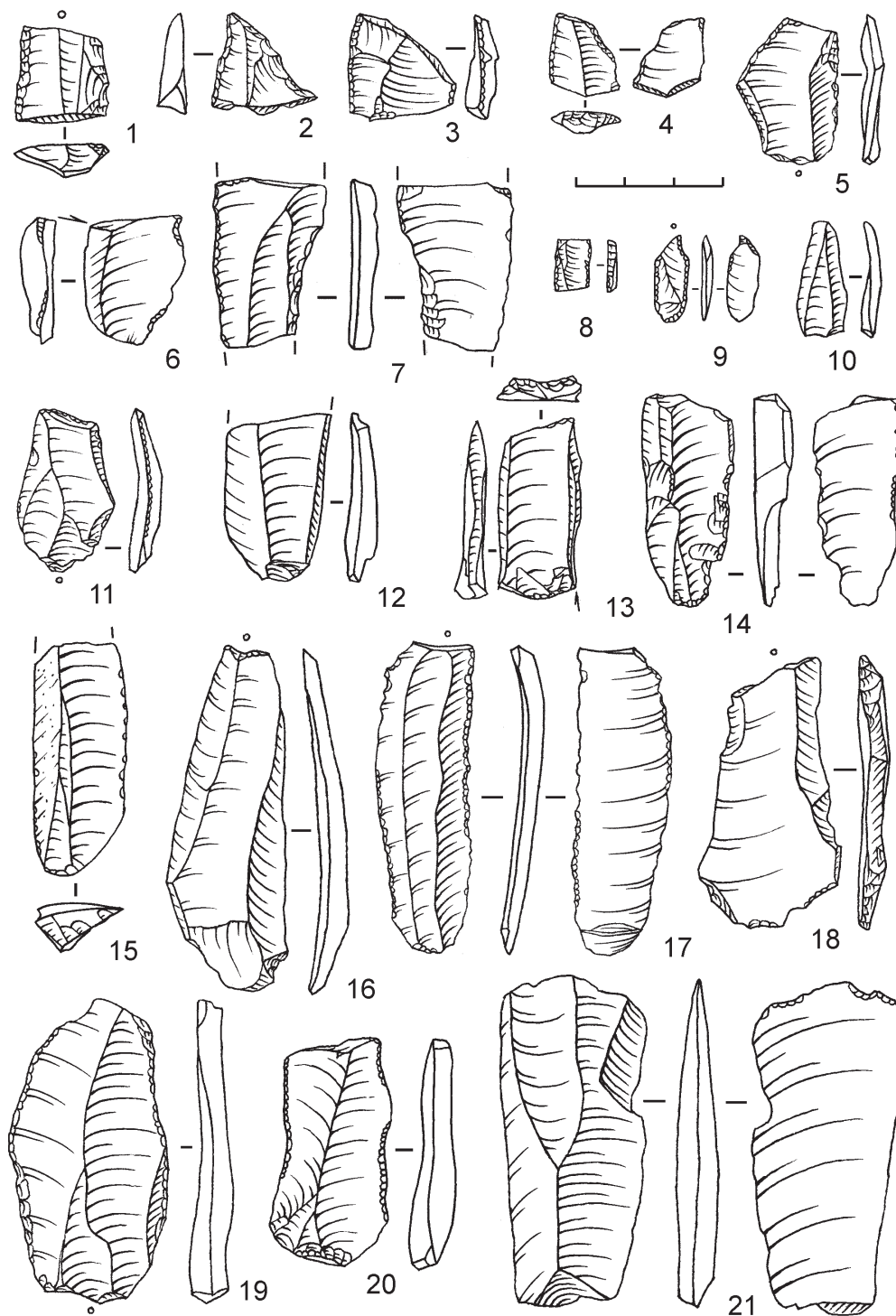

Рис. 11. Стоянка Сергеевка 1. Каменные изделия: 1 — сегмент пластины с притупленной спинкой, 2–5 — геометрические вкладыши, 6 — орудие с шипом, 7, 14 — ретушированная пластина с частично двусторонней обработкой вогнутого края, 8 — пластинка с притупленной спинкой, 9 — проколка, 10 — пластина, 11, 17, 19–21 — пластины с ретушью, 12 — фрагмент пластины, 13 — пластина с ретушированной ударной площадкой, 15, 16, 18 — усеченные ретушью пластины

Лабазы 1 и 2 в Оренбургской области (датировки 40310 ± 3830 (ИГАН-3442) и 36820 ± 3830 (ИГАН-3442) и 36820 ± 2100 (ИГАН-3458) (Богданов, Ко-

тов, 2008, с. 30, 36). Поэтому вопрос о возникновении памятников типа стоянки Талицкого остается в настоящее время открытым.

ВЫВОДЫ

Поскольку памятники раннего, среднего и позднего этапов верхнего палеолита Уральского региона обнаруживают близкое сходство, мы должны исходить из представлений о единой культурной традиции, существовавшей на протяжении более чем 20 тыс. л.н. Поэтому относить памятники, имеющие сходные технико-типологические характеристики к единой «уральской археологической культуре» нет никаких оснований. Соответственно, можно предполагать постепенное, эволюционное изменение материальной составляющей культурной традиции, что позволяет предполагать стабильность и устойчивость к внешним воздействиям культурных характеристик уральского населения в эпоху верхнего палеолита в промежутке от 30 до 9 тыс. л.н. Это не исключает внешние импульсы, в частности проникновения на Урал групп костенковско-стрелецкой культуры (Павлов, 2008, с. 36)

и западно-европейского населения — носителей традиции декорирования пещерных святилищ (Шульган-Таш (Каповая), Игнatieвская и др.) (Григорьев, 2001, с. 138–139). Именно для сибирского верхнего палеолита, как считал Г.П. Григорьев, характерно отсутствие пространственного рассредоточения и типологическая однородность памятников, а также их временная неделимость (Там же, с. 142–144). Это указывает на принадлежность части верхнепалеолитических памятников Уральского региона к *сибирскому* верхнему палеолиту. Они образуют своеобразную контактную зону на западе сибирского культурного мира (Там же, с. 145–146). Необходимо отметить, что эта тенденция культурной преемственности сохранялась в каменном веке Урало-Поволжского региона и в эпоху голоцена (Крижевская, 1968, с. 113; Матюшин, 1976, с. 287; Мосин, 2005, с. 48).

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н. Смеловская II — палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // Палеолит и неолит СССР. М., 1971. Т. 6. С. 200–208. (МИА. № 137).

Богданов С.В., Котов В.Г. Верхнепалеолитическая стоянка Лабазы I (Оренбургская область) // Уфимский археологический вестник. 2008. Вып. 8. С. 27–38.

Гимранов Д.О., Котов В.Г., Курманов Р.Г., Румянцев М.М. Стоянка верхнего палеолита Сергеевка I на р. Нугуш (Южный Урал) // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (18). С. 24–37.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Удмуртский университет, 1999.

Григорьев Г.П. Относится ли стоянка Талицкого к сибирскому палеолиту? // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001. С. 136–155.

Котов В.Г. Исследования А.П. Шокуровым палеолитических памятников на Южном Урале // Сб. статей «Наследие веков». Вып. 2: Мат-лы Регионал. науч.-практ. конф. «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвящ. 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова. Уфа, 2011. С. 3–41.

Котов В.Г., Румянцев М.М. К вопросу о культурной ситуации в уральском регионе в эпоху верхнего палеолита // Урал-Алтай: через века в будущее: Мат-лы V Всерос. тюрколог. конф., посвящ. 80-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа. 2012. С. 180–182.

Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала. Л., 1968.

Кузьмина С.А. Позднепалеолитическая стоянка Смеловская 2 на Южном Урале // Пещерный палеолит Урала: Мат-лы Междунар. конф. Уфа, 1997. С. 136–137.

Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю. Стоянка Широфаново II — новый памятник позднего палеолита в бассейне верхней Камы // Каменный век Европейского Севера: Сб. статей. Сыктывкар, 2007. С. 7–21.

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.

Мосин В.С. Мезолит-энеолит Южного Зауралья (проблемы культурогенеза): Автореф. дис. ... д-р ист. наук. Новосибирск, 2005.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока европейской части СССР: Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

Павлов П.Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар, 1996.

Павлов П.Ю. Палеолит // Археология Республики Коми / отв. ред. Э.А. Савельева, П.Ю. Павлов, К.С. Королев, А.М. Мурыгин. М., 1997.

Павлов П.Ю. Заселение человеком Северо-Востока Европы в эпоху палеолита // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Междунар. науч. конф. Оренбург, 2001. С. 55–56.

Павлов П.Ю. Поздний и финальный палеолит северо-востока Европы // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене. М., 2007.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33).

Павлов П.Ю. Культурные связи населения уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1 (18). С. 6–23.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатьевской пещере на Южном Урале. Новосибирск. 1992.

Свеженцев Ю.С., Щербакова Т.И. Радиоуглеродные даты палеолитических памятников Урала // Тез. докл.

Междунар. науч. конф. «Пещерный палеолит Урала». Уфа, 1997. С. 97–99.

Сериков Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые вопросы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил, 2009.

Синицин А.А. Раскрашенные плитки стоянки Талицкого // Пещерный палеолит Урала: Мат-лы междунар. конф. Уфа, 1997. С. 86–87.

Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей, 1996. С. 3–17.

Широков В.Н., Волков Р.Б., Нестерова Г.М. Палеолит и мезолит Урала: Учеб. пос. Екатеринбург, 2005.

Щербакова Т.И. Палеолит Южного и Среднего Урала: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986а.

Щербакова Т.И. Палеолит Южного и Среднего Урала: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986б.

Щербакова Т.И. Каменный инвентарь гротов Столбового и Близнцова на фоне палеолитических индустрий Урала // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001. С. 156–169.